

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ НИКОЛАЯ КАРАЧЕНЦОВА

Моск. комедии. — 2002. — 21 мая. — С. 3.
Петрович готовится к роли дедушки

ГЕННАДИЙ АБРАМЕНКО

“Мсье 1000 вольт”, “русский Бельмондо”, “друг Большой шляпы” и “враг всех журналистов” — как только его не называют. У каждого из его прозвищ — серьезные основания. Он снимается параллельно в пяти картинах. Классно разбивает носы и сворачивает скулы своим кинопротивникам. После съемок и спектакля мчится играть в теннис. Журналистов динамит месяцами. И все это знатный ленкомовец Николай Караченцов.

Из досье “МК”: Николай Караченцов — выпускник Школы-студии МХАТ. Снялся более чем в ста картинах. Амплуа — благородный герой с ярко выраженным комическим началом. Всю жизнь работает в одном театре. Антреприз не признает. Патронирует культурные акции откровенно некоммерческого свойства. Характер — нордический. Темперамент — взрывной.

Вот и сейчас у Караченцова одновременно идет работа над фильмом “Чешское фото” по одноименному ленкомовскому спектаклю. Плюс монтировка и доозвучивание телеверсии “Юноны и Авось”. В начале мая на экраны вышел фильм режиссера Александра Муратова “Львиная доля”.

— Недавно я был в Канаде. Приехал на Ниагарский водопад. Делаем фото на память. Подходит человек: “Спасибо вам, — говорит, — хорошая картина “Львиная доля”. — “А где вы ее видели?” — удивился я. “Да она у нас продается”. А я-то, наивный, вез ее как самый свежий материал в подарок людям, которые меня принимали. Думал, до премьеры подарю. Но, видно, пиратство везде процветает. В этой картине я играю опустившегося человека, ну буквально спившегося алкоголика, который в конце фильма становится героем.

— Пьющие люди — похоже, в последнее время этих типов в вашем портфолио прибавилось. В “Чешском фото” вы пьющий, в “Шуте Балакиреве” — тоже алкаш...

— Не согласен. В спектакле “Чешское фото” (а сейчас мы монтируем и фильм) мой герой — не спившийся, а изломанный. А Меншиков — точно пьющий.

— Идет озвучение фильма “Тартарен из Тараскова” по книге Альфонса Доде. Вы в нем сыграли...

— Графа Безансона. Это главный жулик, тот, который свою дочь Тартарену предлагает в жены.

— А вы не хотели бы сыграть самого Тартарена? Мне кажется, это ваша роль...

— Нет, не моя, хотя и неожиданная. Моя роль острее. Когда я получаю кинопредложение, то дело интересует меня по нескольким параметрам. Прежде всего — насколько интересны сценарий и герой. Второе: роль должна быть для меня новая, с глубоким, сложным и ярким характером. Но мне еще и важно, какой режиссер, какая актерская компания. И я рад, что здесь я познакомился с режиссером Дмитрием Астраханом, впервые снимался с замечательным ленинградским актером Анатолием Равкиновичем, сыгравшим Тартарена, с Инной Ульяновой. И ко всему — это комедия. Я придумал себе характерность, почти гротесковую форму существования. Здесь мы играли на грани правдоподобия, даже, боюсь, эту грань иногда переходили.

— В “Юноне и Авось” вы играете графа Резанова уже больше 20 лет. Ваш герой примерно на столько же вас моложе. Вас это не смущает?

— А вы давно видели спектакль?

— Нет, недавно.

— Вас это смущало?

— Меня нет.

— Ну и меня тоже. Я пока не ощущаю, что мне тяжело дается эта роль, тем более она не конкретно возрастная. Скажем, Ромео мне уже не надо играть, как не надо играть “Тимура и его команду” с “Чуком и Геком”. А здесь смысл в том, что сложившийся мужчина, уже не мальчик, полюбил почти ребенка, девушку шестнадцати лет. И поэтому, когда я играю эту роль, я не очень задумываюсь о возрасте моего героя.

— И все-таки странно, что артист вашего уровня выпускает в театре в лучшем случае один спектакль за сезон. Ваши коллеги, например, ищут счастья на стороне — в антрепризе. Может, вам не предлагать?

— Мне предлагают каждую неделю. Я вам так скажу: за свою жизнь я много всего переиграл. И передо мной, когда я читаю очередную пьесу, встает “профессиональный друг”, который спрашивает: “Коля, а на хрена тебе это надо? Денег мало?”. Если речь идет о зарабатывании денег, то “Сорри” и “Чешское фото” (это антрепризные спектакли на сцене “Ленкома”) много вздят и неплохо зарабатывают. Поэтому еще один антрепризный спектакль за деньги — не хочу и не пойду.

Единственный раз, когда я сказал “да”, произошел в прошлом году. Я сказал “да” Наташе Гундаревой, которая мне предложила отличную английскую пьесу. Я ей сказал, что могу снимать

ее параллельно в пяти картинах, но репетировать параллельно в двух спектаклях — не для меня. Она поняла, сказала, что у нее так же, и ждала меня мучительно и терпеливо. Наконец, когда работа над “Шутом Балакиревым” была закончена и я готов был к репетициям, Наташа заболела...

— В подмосковном городе Красноармейске существует школа искусств Николая Караченцова.

— Я всячески поддерживаю ее, во-первых, потому, что руководит ею одержимый, талантливый человек Николай Астапов. И, во-вторых, у школы есть все возможности стать лучшей в стране: сильная степ-группа, артистичные дети, мощная энергетика социализации. К тому же — поддержка администрации города, что немаловажно. Сейчас разрабатываются эскизы будущего комплекса с концертным залом, интернатом, конюшней, тренажерными залами.

— Все хорошо и правильно, но не считаете ли вы нескромным при жизни давать школе свое имя?

— Когда эта школа искусств только открывалась, первая мысль, которая влетела в голову Астапова: “Вот, будет школа Караченцова!” Я говорю: “Эй, успокойся, я еще живой!” А сегодня почему я на это решился? Скажем так — из прагматических соображений. В нашей жизни сегодня трудно существовать, особенно тем заведениям, которые имеют отношение к искусству. Для того чтобы помочь школе утверждать себя в этой жиз-

ни, я решил пойти на то, чтобы дать ей свое имя. Тем более ведь я действительно искренне пытаюсь ей помочь всем чем могу. Вот на фестивале “Степ-парад” мы в четырех номинациях победили, самый большой урожай наград собрали. Я очень люблю эту школу: благодаря таким фактикам, как они, страна выживет.

— Николай Петрович! У вас бывает творческий кризис?

— Если и бывает, то я никогда не скажу.

— А как вы из него выходите?!

— Тоже не скажу. Это мои внутренние, интимные дела. У человека бывает депрессия, дурное настроение... А я актер, мне надо выходить на сцену, даже если мне совсем не хочется этого делать. Какая-то планка мной уже обозначена, и я не имею права работать ниже заявленной линии. Поэтому — что хочешь делай, милый мой артист! На тебя вон люди полгода пытаются билет достать. Достали. Пришли. А у него — дурное настроение! У него — кризис!.. Нет, этого никто не должен знать.

— В воскресенье закончился теннисный турнир “Большая шляпа”. Как сыграли?

— На этом турнире играют знаменитые “чайники” — политики, бизнесмены... Я играл в паре с бизнесменом Игорем Нагорянским. Счет был 2:2. Если бы он был 3:2, мы вышли бы в полуфинал, а я бы не смог играть — в этот вечер у меня был спектакль.

— Трудно поверить, что вы вот-вот станете дедушкой.

— Не вот-вот, а событие ожидается в июне. Тьфу-тьфу-тьфу, я боюсь сглазить.

— Вы готовы к этой роли?

— Пока понять не могу. Ощутить себя дедом... Не знаю...

— У вас большой опыт работы на сцене.

Бывают, наверное, неожиданные расколы, т.е. когда артист смеется не по роли?

— Если артист раскалывается, начинает смеяться не по поводу или, еще хуже, хулиганит, значит, он не профессиональный артист. Первое, что он должен делать в этом случае, — злиться на себя. Правда, иногда бывает, когда ну дико смешно. Причем чем серьезнее сценическая ситуация, тем сложнее сдержать этот раскол.

Когда я пришел в театр, первый спектакль, который я репетировал, назывался “Сурженские мадонны” — спектакль о войне. В землянке сидят женщины, все в платках, не поймешь, кто из них молодая, кто старая. И одна из них должна сказать, что в какой-то Фирсановке немцы шестерых баб забрюхотали. А актриса сказала: “В Фирсановке немцы шестерых баб забрюхотали!”. Не очень-то смешно, но на сцене они чуть не в голос заржали. А актриса была уже в возрасте и сама-то не заметила, что она произнесла, стала злиться: что, мол, все ржут-то?!

И такие случаи бывают нередко. Марк Анатольевич Захаров не переваривает, когда артисты раскалываются...

— Назовите, пожалуйста, пять слов, которыми вы бы могли охарактеризовать себя сейчас.

— ...Замотанный, оптимистичный, сдуряющий интервью Большаковой... Вот и все пять слов.

— Есть что-нибудь такое, ради чего вы могли бы оставить свою профессию?

— Смерть. И только. Я этим живу, ничего другого не имею, не знаю и не хочу знать.

Светлана БОЛЬШАКОВА.